

Johannes Friedrich. Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen. — Berlin — Göttingen — Heidelberg, Springer-Verlag, 1954. VI+147 стр., с илл. и картой.

Уже более полутора веков ученые занимаются дешифровкой забытых письменностей и исчезнувших языков древнего мира и в особенности Древнего Востока. В этой области делались и делаются открытия, которые волнуют не одних только филологов и историков.

Существует немало книг, в том числе и научно-популярных, полностью или частично посвященных раскрытию той или иной письменности. Однако работы, охватывающей историю всего сделанного в области дешифровки древних письменностей и языков, до сих пор не было. Книга И. Фридриха представляет собой первый труд такого рода. Она написана исследователем, сделавшим немалый вклад в изучение древних языков и письменностей Передней Азии.

И. Фридрих уже давно уделяет внимание не только практике, но также истории и методике дешифровки¹. В рассматриваемой работе он задался целью осветить эти вопросы в краткой и общедоступной форме. Автору вполне удалось его замысел: небольшая по объему книга несомненно должна быть понятна и интересна самому широкому читателю. Для специалистов она также представляет немалую ценность: ведь не каждому удастся пристально следить за дешифровкой разнообразных письменностей и интерпретацией фиксированных ими языков, так как работы на эту тему публикуются в самых различных периодических изданиях. Здесь же все материалы собраны воедино — и не компилятором, а ученым, известным широкой осведомленностью, глубоким знанием ряда языков Древнего Востока, осторожностью и осмотрительностью своих суждений.

Книга содержит четыре раздела: I. «Важнейшие дешифровки письменностей и языков Древнего Востока». II. «Другие дешифровки и интерпретации письменностей и языков древнего мира». III. «О методике раскрытия забытых письменностей и языков». IV. «Несколько примеров недешифрованных письменностей».

Разделы, кроме третьего, разбиты на главы. В первом разделе имеются главы: 1) «Египетские иероглифы», 2) «Клинопись», 3) «Хеттская иероглифическая письменность». Во втором разделе: 1) «Дальнейшая дешифровка неизвестных письменностей и языков», 2) «Дальнейшая дешифровка неизвестных письменностей», 3) «Дальнейшая интерпретация неизвестных языков». В четвертом разделе: 1) «Синайская письменность»², 2) «Крито-микенская письменность», 3) «Карийская письменность», 4) «Протоиндийская письменность».

Главы, в свою очередь, разделены на параграфы. Так, например, глава «Клинопись» содержит как параграфы, посвященные характеристике аккадской клинописи и описанию ее дешифровки, так и параграфы, в которых идет речь о дешифровке алфавитных систем письма, возникших на клинописной основе. Кроме того, здесь рассматривается процесс интерпретации языков, написанных клинописью — прежде всего шумерского, носителями которого и была создана клинопись, затем хеттского (неситского) и других языков древней Малой Азии, а также хурритского, урартского и древнееламского.

В отдельных параграфах глав второго раздела рассказывается, какими путями идет дешифровка сидетской, нумидийской, кипрской и протоибилской письменности и как осуществляется интерпретация лийкийского и лидийского языка, а также ряда языков древней Италии — этрусского, венетского, мессапского и др.

Главы, посвященные египетским иероглифам и клинописи, содержат, кроме того, очень сжатые обзоры древней истории Египта и Месопотамии и заметки по истории хурритов и хеттов. В остальных случаях автор ограничивается лишь кратким указанием на то, где, когда и каким народом созданы письменные памятники, о которых идет речь.

Мне кажется, что эти экскурсы нарушают последовательность изложения вопросов дешифровки и интерпретации. В то же время они недостаточны, чтобы дать широкому читателю необходимую историческую ориентировку. Именно об истории Египта и Месопотамии у читателя еще со школьных лет могут сохраниться некоторые представления, в книге же И. Фридриха он сталкивается также с письменностями и языками целого ряда других народов древности, сведениями о которых читатель не располагает.

¹ Ср.: J. Friedrich, *Hethitisch und kleinasiatische Sprachen*, Berlin und Leipzig, 1931; е г о ж е, *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, Berlin, 1932; е г о ж е, *Schriftgeschichtliche Betrachtungen*, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 91, Heft 2, Leipzig, 1937; е г о ж е, *Entzifferungsgeschichte der hethitischen Hieroglyphenschrift*, Stuttgart, 1939; е г о ж е, *Schriftsysteme und Schrifterfindungen im Alten Orient und bei modernen Naturvölkern*, «Archiv Orientalní», vol. XIX, № 1—2, Praha, 1951 и др.

² Синайское письмо, которое некоторые ученые уже считают дешифрованным, справедливо отнесено И. Фридрихом к числу пока еще не дешифрованных письменностей.

Пожалуй, было бы лучше, если бы автор выделил вопросы истории в небольшое специальное введение и здесь бы рассказал о том, где и когда жили те народы, раскрытию языков и письменностей которых посвящена книга; к какому времени относится расцвет и упадок их государства; какие наиболее интересные памятники их культуры дошли до нас; что мы знаем о политических связях этих народов между собой, а также о взаимодействии их культур (в той мере, в которой это важно, чтобы показать преемственность таких графических систем, как, например, клинопись) и т. д.

«Предисловие» к книге очень удачно вводит читателя в круг вопросов, о которых пойдет речь, и вызывает живой интерес к открытию, сделавшим забытые письменные памятники достоянием современной языковедческой и исторической науки. И в композиционном отношении книга сделана очень хорошо: правильно и то, что сначала речь идет о классических письменностях Древнего Востока — египетской иероглифике и клинописи, и то, что вопросы методики обсуждаются после описания дешифровки и интерпретации письменных памятников, и, наконец, то, что автор прежде разъясняет систему каждой письменности, показывает пути ее развития и разные ее виды, приводит и разбирает иллюстративный материал (примеры графики и языковые примеры) и только затем переходит к описанию самого хода дешифровки и интерпретации. Таким порядком изложения одновременно достигается насыщенность фактическим материалом, краткость и понятность.

Вообще остается только удивляться тому, как И. Фридрих сумел на каких-нибудь полтора-два страницах маленькой по формату книжечки не только в основном исчерпать такую обширную тему, но и проиллюстрировать ее языковыми примерами в автографии и в транскрипции, рисунками, схемами и фотографиями письменных памятников, а также снабдить картой, краткой библиографией и предметным указателем.

Думается, что книга выиграла бы еще больше, если бы наблюдения автора над древними письменными системами были обобщены в небольшом заключении. Здесь очень полезно было бы показать, что при всем разнообразии конкретного графического проявления древние письменности могут быть сведены в несколько групп¹.

*

Рассматриваемая книга имеет также достоинство, которое будет отмечено каждым, кто более пристально интересуется кругом затронутых в ней вопросов. Это — продуманность всего того, что касается как методов дешифровки письменности, так и методов интерпретации языка. Все изложение опирается на стройную систему методических воззрений автора, готовящего читателя к осознанному восприятию этих воззрений, систематизации которых посвящен специальный раздел книги.

И. Фридрих различает три вида работы над памятниками забытых письменностей и соответственно три степени трудности (см. стр. 59, 86, 124). Первый вид: письменность известна, а язык неизвестен (например, неситский, или хеттский клинописный язык, хаттский, хурритский, древнеэламский, этрусский и др. языки) — необходима интерпретация языка (Deutung). Второй вид: язык известен, а письменность неизвестна (например, греческий язык Кипра) — необходима дешифровка письменности (Entzifferung). Третий вид: неизвестны как письменность, так и язык (например, египетская иероглифика, аккадская клинопись, хеттская иероглифика, угаритская алфавитная клинопись и т. п. и соответственно фиксируемые ими языки) — необходимо раскрытие того и другого (Erschließung)².

Разумеется, последний случай — наиболее трудный. И, конечно, И. Фридрих совершенно прав, когда говорит о том, что интерпретацию хеттского клинописного языка нельзя ставить на одну доску с дешифровкой египетских иероглифов или клинописи. Он также указывает, что после дешифровки аккадской клинописи интерпретатору других, зафиксированных клинописью же языков, в частности хеттского клинописного, оказываются в особенно выгодных условиях, так как большое количество известных из аккадского идеограмм, детерминативов, а также гетерограмм³ позволяет сразу

¹ См. об этом: БСЭ², т. 33, стр. 99—109.

² Автор неоднократно настаивает на строгой дифференциации понятий «дешифровка» и «интерпретация». Он указывает (стр. 59), что выражение «дешифровка» следует сохранить для восстановления понимания забытых письменностей; там же, где письменность ясна, а язык неизвестен, нужно избегать выражения «дешифровка» и говорить только об «интерпретации». И. Фридрих вводит, кроме того, выражение «раскрытие» (Erschließung), которым (на стр. 86) обозначена работа, охватывающая как дешифровку письменности, так и интерпретацию языка. К сожалению, на протяжении всей книги этот термин употребляется недостаточно последовательно (ср. стр. 59, 95, 123).

³ Гетерограммы — это шумерские или аккадские слова с грамматическими показателями или же словосочетания, употребленные в качестве обозначения хеттских (неситских) слов. Гетерограммы применялись и в алфавитных письменностях, например в иранских письменностях на арамейской основе. И. Фридрих этот термин не употребляет.

выделить мужские и женские имена собственные, имена богов, этно- и топонимические названия, определенные группы понятий и т. д. Наличие идеограмм и гетерограмм, кроме того, дает возможность отчасти проникнуть в содержание текста и в ряде случаев различить окончания написанных идеографически имен существительных и глаголов и тем самым получить примерное предварительное представление о характере именной и глагольной флексии. Такого рода предпосылки представляют собой надежную опору для дальнейшего исследования.

Работа интерпретатора, имеющего дело с клинописью, лишенной или почти лишенной идеограмм и детерминативов, более трудна. Это касается вообще языков, фиксированных чисто слоговой или алфавитной письменностью. Конечно, интерпретация хеттского языка (письменность его — аккадская клинопись, но без идеограмм и почти без детерминативов) или, например, ликийского языка (алфавитное письмо, близкое греческому) шла бы гораздо успешнее, если бы могла опираться на идеограммы и детерминативы.

В свете дифференциации задач, возникающих при работе над памятниками неизвестных письменностей и языков, И. Фридрих характеризует в своей книге те трудности, с которыми приходится сталкиваться в каждом конкретном случае интерпретации, дешифровки или раскрытия этих памятников. Соответственно он оценивает, а иногда и заново переоценивает заслуги отдельных ученых в этой области.

Интересны также замечания И. Фридриха о разнице между дешифровщиком и интерпретатором по самому существу их подхода к материалу: «Д е ш и ф р о в щ и к, который гениально шагает через сомнения и трудности, и ф и л о л о г, который, осторожно взвешивая, обобщает результаты наблюдений в общие правила, коренным образом отличаются друг от друга и и х н е л ь з я с м е ш и в а т ь» (стр. 23). Не случайно первые удачные дешифровки как египетской иероглифики, так и персидской клинописи отделены от серьезных успехов их интерпретации периодом чуть ли не свыше тридцати лет (см. стр. 23—24 и 46—49).

Интерпретация и дешифровка должны — на этом особенно настаивает И. Фридрих — осуществляться комбинаторно, т. е. посредством логических умозаключений, имеющих опору в самом письменном памятнике. Автор подчеркивает, что «из ничего нельзя ничего дешифровать. Если не за что ухватиться, если опора пока еще не найдена, то остается лишь простор для беспечных фантазий дилетантов, а серьезные результаты получены быть не могут» (стр. 123—124).

Комбинаторный метод интерпретации основывается на наблюдениях над самим текстом. Он противопоставляется этимологическому методу. Последний основан на стремлении добиться понимания неизвестного языка путем его сопоставления с языком известным (стр. 115). Этимологические сопоставления опираются на звуковое сходство или звуковое совпадение слов сравниваемых языков. Подобные сопоставления допустимы только в тех случаях, когда есть основания предполагать близкое родство между неизвестным языком и тем языком, через посредство которого его пытаются интерпретировать, а также если есть возможность проследить закономерные звуковые соответствия между сравниваемыми языками. Этимологическим методом успешно пользовались, например, при интерпретации древнеперсидского языка, который оказался близко родственным авестийскому языку и санскриту, а также аккадского и угаритского языков, близко родственных древнееврейскому и арабскому. Однако попытка воспользоваться этим методом для интерпретации хеттского клинописного языка привела к многочисленным ошибкам (см. стр. 63) и показала, что указанный метод можно применять с очень большой осторожностью, постоянно проверяя полученные результаты путем комбинаторных наблюдений.

Между тем злоупотребление этимологическим методом чрезвычайно распространено. Особенно грешат произвольными сопоставлениями многие исследования этрусского, баскского и некоторых других языков, а зачастую также работы по топонимике и этногенезу, в том числе и наши, советские.

И. Фридрих предупреждает, что и при дешифровке письменности строгое соблюдение комбинаторной методики не менее существенно, чем при интерпретации языка. Подобно тому как недопустимо безоговорочное отождествление одинаково или сходно звучащих слов разных языков, так же недопустимо и отождествление сходно или одинаково выглядящих знаков разных письменностей. Принципиальная ошибка Б. Грозного в его опытах дешифровки криго-микенской и протоиндийской письменностей состояла как раз в пренебрежении к методической стороне дела и в привлечении для чтения этих письменностей внешне сходных знаков из самых разнообразных графических систем — хеттской иероглифической, южноарабской и др. Поэтому чтения отдельных знаков, а также имен богов и различных топонимических названий, установленных Б. Грозным на основе чисто внешних графических сопоставлений, разумеется, не выдерживают критики. То же самое следует сказать и об опирающихся на эти чтения более общих его построениях, таких, например, как выводы о родстве древнейшего населения Индии с «иероглифическими хеттами».

Напоминая о том, что для раскрытия любой неизвестной письменности или неизвестного языка необходима какая-либо опорная точка в самом тексте, И. Фридрих ука-

зывает, что прежде чем приступить к дешифровке, необходимо предварительно выяснить ряд основополагающих моментов: направление письма, наличие или отсутствие словоразделения, характер системы письменности и т. д. Количество различных письменных знаков большей частью позволяет определить, является ли письмо буквенным, чисто слоговым или словесным, либо представляет собой смещение слогового письма с буквенным или словесного со слоговым. По сравнению со словесной и словесно-слоговой письменностью чисто слоговая письменность и тем более алфавитная легче поддаются дешифровке, так как чем меньше знаков, тем меньше выбор их возможных значений. Зато, как говорилось выше, словесно-слоговое письмо представляет известные преимущества для интерпретации, тогда как слоговое и буквенное письмо ничем не облегчают труда интерпретатора.

Наличие двуязычных надписей ставит дешифровку в наиболее выгодные условия. Так, например, надпись на Розеттском камне позволила отождествить некоторые египетские имена собственные с греческими, что послужило опорой для дальнейших комбинаторных исследований египетской иероглифики.

Дешифровка неизвестной письменности при отсутствии билингвы очень трудна и в ряде случаев кажется невозможной. Неудача, постигшая ученых при дешифровке ряда письменностей, вызвана отсутствием билингв или каких-либо других вспомогательных средств или предпосылок. Однако возможность дешифровки письменности и при отсутствии двуязычной надписи доказана на опыте удавшейся дешифровки древнеперсидской клинописи и хеттских иероглифов.

При дешифровке персидской клинописи Гротенфенд опирался на предположения о наличии в ней словоразделителя и о буквенном характере письменности (последнее, впрочем, не совсем точно). Он также предположил, что надписи должны принадлежать царям династии Ахеменидов, что начинаются они с царской титулатуры и что наиболее часто встречающееся в начале надписей сочетание знаков обозначает слово *царь*; далее имена царей, отец одного из которых не был царем, Гротенфенд остроумно сопоставил с именами царей династии Ахеменидов, известными по Геродоту, и таким образом получил первые чтения персидских клинописных знаков.

Чтение хеттских иероглифов также было установлено путем различных комбинаторных сопоставлений, потребовавших от исследователей большой проницательности, находчивости и остроумия.

Первоначально, по изображению указывающего на себя человека, с которого начинаются надписи, по незаполненной части строк в конце некоторых надписей, а также по изменению поворота письменных знаков, представляющих собой рисунки, было установлено направление письма. Оказалось, что оно меняется от строки к строке (так называемое письмо «бустрофедон»).

Далее был выявлен словоразделитель и было подмечено, что часть знаков вырисована более тщательно и детально, другие же, встречающиеся чаще, проще по начертанию и зачастую написаны курсивно. Возникло предположение, что знаки первого рода идеографические, а знаки второго рода — слоговые.

Идеографические знаки в некоторых случаях могли быть поняты непосредственно, как рисунки. Главную трудность представляло собой установление чтения слоговых знаков.

В результате анализа оттисков печатей удалось установить, что три постоянно повторяющиеся в них знака обозначают соответственно «царь», «страна» и «город», причем пишутся они соответственно после имени царя, названия страны или города.

Древние названия мест, где найдены печати и надписи, были известны из клинописных источников. Это позволило предположительно отождествить некоторые группы иероглифических знаков, имеющих детерминатив «страна» или «город», с определенными топонимическими названиями. Исследование написания названий с повторяющимися одинаковыми слогами (например, *Гургума*, *Туванува*) и названий, в состав которых входят одинаковые слоги (например, *Амату* и *Туванува*, *Амату* и *Гургума*), подтвердило правильность предварительных отождествлений и позволило установить ряд слоговых значений хеттских иероглифов.

Некоторые имена царей северносирийских городов, также известные по данным клинописи, удалось отождествить с царскими именами, встречающимися в хеттских иероглифических надписях, датированных по археологическим данным. Так были прочитаны имена Муватли из Гургума, Ур[а]хилина из Амату и др., что позволило выяснить еще несколько значений хеттских иероглифических слоговых знаков. На эти первые чтения опирались дальнейшие работы по комбинаторной дешифровке хеттской иероглифики.

Двуязычная надпись из Каратеpe, содержащая, наряду с финикийским, хеттский иероглифический текст, была найдена уже тогда, когда дешифровка хеттских иероглифов была в основном завершена. Эта билингва подтвердила правильность чтений, полученных комбинаторным методом.

Таким образом, как справедливо отмечает И. Фридрих, в принципе можно считать, что любая неизвестная письменность рано или поздно будет разгадана. Если же это до сих пор не удалось сделать, то лишь потому, что еще не найдена опора, необходимая

для комбинаторных сопоставлений. Такой оптимистический взгляд на перспективы дешифровки уже нашел свое подтверждение: Вентрис и Чадвик, работающие над крито-микенскими надписями, достигли настолько значительных успехов, что крито-микенское линейное письмо *B* можно считать в основном прочитанным (язык текстов оказался греческим, и они в общем понятны).

В книге И. Фридриха имеются и некоторые мелкие погрешности и опечатки. На стр. 28: вместо Саргон I следует читать просто Саргон, или Саргон Аккадский (Саргон I — ассирийский царь); там же: то, что сказано о Гудеа, нужно отнести к царям III династии Ура; там же: находка стелы с законами Хаммурапи должна быть датирована 1901 годом, а не 1903 (в 1902 г. эти законы уже были прочитаны Шейлем и опубликованы); на стр. 33: устаревшее чтение ^dšar-ga-ni-šar-alim надо заменить чтением ^dšar-kà-li-šar-rí; на стр. 60: после идеограммы LU. UL^ULU пропущено окончание -an, о котором идет речь на стр. 61; на стр. 64: следует читать *aš-ka-aš-ḫi-ir* (šir — опечатка; должно быть *ir*).

К сожалению, слишком кратким получилось у И. Фридриха описание интерпретации урартского языка. Автор не отметил здесь ни собственных заслуг, ни вклада советских ученых. Напрасно также в параграфе, посвященном хурритскому языку, обойдены имена Гетце и Шнайзера¹.

Хорошо было бы также расширить библиографию. В настоящем своем объеме она может оказаться недостаточной для того, кто всерьез заинтересуется прочитанным материалом и захочет получить более обширные и детальные сведения. Между тем все, что связано с дешифровкой и интерпретацией, само по себе очень интересно, а в отличном изложении И. Фридриха может вызвать у читателя желание углубиться в эту область.

В заключение нельзя не сказать, что, как справедливо отметил автор одной из рецензий, книга И. Фридриха представляет собой именно такую научно-популярную книгу, какую специалисты бывают рады видеть в руках широкого читателя. Поэтому хочется пожелать, чтобы она была возможно скорее переведена на русский язык.

И. М. Дунаевская

H. Sten. *Les temps du verbe fini (indicatif) en français moderne*. («Historisk-filologiske Meddelelser af det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab», bd. 33, № 3). — København, 1952, 264 стр.

Среди работ, посвященных описанию временной системы современного французского языка, книга датского романиста Х. Стэна заслуживает особого внимания как с практической, так и с теоретической точки зрения. В отличие от облегченных, сугубо утилитарных пособий типа книги Сансина «Употребление времен во французском языке»², работа Стэна дает наиболее полное представление о функционировании временных форм индикатива, куда автор относит также формы *conditionnel*. Большой фактический материал укладывается в 12 главах, посвященных отдельным временным формам (в том числе сверхсложным) и перифразам с глаголами *aller* и *venir de*.

По форме это очень удачное описание, своего рода коллекция, где собраны как наблюдения самого автора над языком новейшей французской прозы, так и отдельные примеры, разбросанные в работах других языковедов, в первую очередь — французских.

В своем изложении Стэн исходит из того реального факта, что грамматическое время (*tense*) не совпадает с *time*, т. е. со временем, исчисляемым от момента речи говорящего. Для обозначения времени действия соотносительно с моментом своей речи говорящий использует не столько глагольные формы, сколько «слова вроде *hier*, *bientôt*, указания на дату и т. д. Как раз благодаря разного рода обстоятельству словам возможна крайняя беззаботность в соблюдении соответствия между *tense* и *time*» (стр. 7).

¹ Что касается адресованных И. Фридриху упреков в том, что он не раскрывает полифонического характера аккадских клинописных знаков (см. H. J e n s e n — «Orientalistische Literaturzeitung», Berlin, 1955, № 7) или, наоборот, преувеличивает их полифонический характер [см. H. P a p e r — «Language», vol. 31, № 1 (part 1), 1955], то они кажутся мне необоснованными: на стр. 38 вполне понятно и точно разъяснено, что знаки аккадской клинописи могут иметь по несколько идеографических и слоговых чтений, и приведены соответствующие примеры.

² H. S e n s i n e, *L'emploi des temps en français*, Paris, 1935.